

Бахарев Д. В.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИИ. ЧАСТЬ II (ОКОНЧАНИЕ). МЕТОДОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация: Объектом исследования в настоящей статье являются возможности и перспективы использования в криминологических исследованиях достижений пространственной науки. Предметом исследования выступает методология пространственного анализа социально-экономического развития регионов России, который, в свою очередь, является первоначальным этапом исследования в области пространственного анализа причин преступности. В статье изложена последовательность действий на данном этапе, описана логическая модель развития социально-экономических процессов в пространстве отдельного региона и разработаны критерии оценки степени успешности функционирования региональной социально-экономической системы. Методологию исследования составляют базовые положения цикла социально-экономических наук (криминологии, социологии, региональной экономики, социально-экономической географии, демографии и др.), касающиеся сущности, содержания и методов изучения социальных явлений и процессов, в первую очередь, преступности. Новизна исследования заключается в разработке методологии пространственного анализа социально-экономического развития регионов России, базирующейся, в свою очередь, на общей теоретико-методологической платформе пространственного анализа социально-экономических явлений и процессов, включая преступность. В статье обосновывается гипотеза о том, что степень успешности социально-экономического развития той или иной территории (проявляющаяся в итоге в улучшении общего жизненного климата и социального самочувствия населения), оцениваемая на основе анализа данных об уровне и динамике экономического развития региона, темпах воспроизводства его демографической базы, качестве здоровья его населения, а также качестве населения в целом (уровень образования и т.д.), определяется, с одной стороны, вектором и интенсивностью «центр-периферийных» процессов, а с другой стороны – степенью выраженности процесса сжатия социального пространства. Теоретически, наиболее благоприятная в социально-экономическом плане обстановка, складывающаяся за счет сравнительно более высокого роста вышеуказанных показателей, должна сформироваться в тех региональных системах, в которых тенденции сжатия социально-освоенного пространства проявляются в наименьшей степени, тогда как позитивные урбанизационные и миграционные процессы, напротив, наиболее активны. И все это должно сопровождаться снижением и последующей стабилизацией показателей преступности.

Ключевые слова: Причины преступности, Пространственный анализ, Регион, Социально-экономическое развитие, Системный подход, Экономико-географическое положение, Поселенческая структура, Инфраструктура, Структура экономики, Сжатие социального пространства.

Abstract: The object of this research is the capabilities and prospects of the application of the achievements of spatial science in criminological research. The subject of this research is the methodology of spatial analysis of the socioeconomic development of Russian regions, which in turn is the primary stage of research in the area of spatial analysis of the causes of crime. The article presents the sequence of actions at this stage, describes the logical model of development of the socioeconomic processes in the space of a separate region, as well as criteria for the evaluation of the level of success of the functionality of the regional socioeconomic system. The scientific novelty consists in devising the methodology of spatial analysis of the socioeconomic development of Russian regions, which is in turn based on the general theoretical-methodological platform of the spatial analysis of the socioeconomic events and processes, including crime. The author substantiates the hypothesis that the level of success of the socioeconomic development

of any particular territory that is assessed from the perspective of the analysis of the data on the level and dynamics of economic development of a region, rate of reproduction of its demographic base, quality of the health of its population, as well as the quality of the population as a whole (level of education, etc.), is determined by the vector and intensiveness of the "center-periphery" processes on one hand, and the level of the clarity of the process of compression of social space on the other.

Keywords: *Settlement structure, Economic-geographical position, Systemic approach, Socioeconomic development, Region, Spatial analysis, Causes of crime, Infrastructure, Economic structure, Compression of social space.*

В первой части настоящей статьи были проанализированы теоретические предпосылки применения методов пространственного анализа в криминологических исследованиях, на основе чего были изложены общие методологические основания использования пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности. Базирующаяся на этих основаниях конкретная методологическая схема пространственного анализа причин преступности должна, на наш взгляд, включать в себя три основных этапа: 1) пространственный анализ процесса функционирования социально-территориальных общностей, расположенных в границах, очерченных административно-территориальным делением государства (например, границами субъектов Российской Федерации), относящихся к одной типологической подгруппе с точки зрения потенциала их социально-экономического развития; 2) анализ тенденций преступности в данных социально-территориальных общностях; 3) сопоставление результатов, полученных в ходе пространственного анализа процесса функционирования социально-территориальных общностей и анализа тенденций преступности в них; описание выявленных закономерностей функционирования механизма детерминации преступности в рассматриваемых социально-территориальных общностях.

Поскольку методология пространственного анализа процесса функционирования территориальных общественно-экономических систем является достаточно новым «полем» исследований в современных российских науках общественного цикла и, фактически, не разработана, необходимо обратить на нее особое внимание.

С учетом описанной ранее специфики применения пространственного анализа в криминологии, данный этап исследования (применительно к социально-территориальным системам регионального уровня) должен осуществляться посредством ряда шагов, включающих:

I. Построение логической модели устройства региона как системы взаимодействующих между собой элементов (подсистем).

II. Определение факторов, с одной стороны, формирующих отдельные элементы (подсистемы)

региональной системы, с другой – определяющих специфику взаимодействия этих подсистем и, следовательно, особенности функционирования всей системы по отношению к другим социально-экономическим системам регионального уровня; описание общей роли и значения каждого фактора (с точки зрения известных положений теории центр-периферийных отношений и эндогенного экономического роста, т.е. уже выявленных закономерностей развития социально-экономических процессов в пространстве) в формировании вектора социально-экономического развития отдельного региона.

III. Разработку процедуры анализа и выработку критериев оценки факторов социально-экономического развития, формирующих в совокупности потенциал такого развития региона.

IV. Разработку критериев оценки степени успешности функционирования региональной социально-экономической системы.

V. Создание или использование уже разработанной в науке типологии региональных социально-экономических систем, выбор группы регионов для анализа.

VI. Сравнение «стартовых условий», динамики и итогов социально-экономического развития регионов выбранной типологической группы.

При этом содержание последней стадии (шага) должно, по большей части, определяться конкретной методикой исследования, тогда как содержание всех остальных, напротив, должно базироваться на описанных в первой части настоящей статьи общих методологических основах применения методов пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности.

Итак, логическая модель развития социально-экономических процессов в пространстве отдельного региона, одновременно иллюстрирующая присущий ему системный характер функционирования (построенная, разумеется, с учетом известного рода допущений и упрощений), может выглядеть следующим образом.

В число элементов (подсистем) региональной территориальной социально-экономической системы регионального уровня должны войти:

- поселенческая структура;
- инфраструктурный комплекс;
- сфера производства (экономики);
- социальная сфера.

Особенности экономико-географического положения территории региона определяют конфигурацию сети населенных пунктов и, в первую очередь, городов. Поселенческая структура во взаимодействии с инфраструктурными сетями (транспортными, электроэнергетики, водо-, газо- и теплоснабжения) применительно к имеющейся в распоряжении региона природно-ресурсной базе формирует отраслевую структуру и, в значительной мере, определяют характер развития экономической сферы. От уровня развития экономики, в свою очередь, во многом зависит и состояние социальной сферы региона (уровень рождаемости, здоровья, образования, культуры населения и др.), качество его человеческого капитала, который выступает определяющим фактором формирования общего жизненного климата в населенных пунктах региона. Уровень же развития человеческого капитала, т.е. степень инновативности населения в условиях современного постиндустриального общества все больше и больше приобретает роль ключевого фактора развития и экономики, и общества в целом.

Осуществленный ранее анализ результатов исследований в области выявления факторов, обуславливающих специфику развития социально-экономических процессов в рамках пространства российских региональных систем, показал, что вектор и динамика такого развития зависят от наличия и специфики сочетания следующих *базовых факторов*.

Важнейшим условием, в значительной мере определяющим историческую «судьбу» развития той или иной региональной социально-экономической системы, является *экономико-географическое положение* региональной социально-экономической системы. Оно характеризует: климат, территориальное расположение по отношению к природным и экономико-географическим объектам (например, «соседство» с депрессивными в социально-экономическом плане территориями или, напротив, с ярко выраженными в этом отношении лидерами), природно-ресурсный потенциал (полезные ископаемые, пашенные земли и т.д.) и др. В значительной мере эти особенности определяют и рисунок поселенческой сети (городских и сельских населенных пунктов), складывающейся в регионе.

Характер и структура развития поселенческой сети и, в первую очередь, *городов*, является вторым важнейшим фактором регионального развития. Города, в особенности крупные городские центры,

формируют «опорный каркас» региона. Все населенные пункты (а городские – в первую очередь) исторически возникали в местах с выгодным (в большей или меньшей степени) географическим положением – торговым, экономическим (например, в местах залежей полезных ископаемых), военным и т.д. В наши дни, в условиях расширения границ государства и, соответственно, ослабления влияния торгового и военного моментов, развитие городов обусловлено прежде всего экономико-географическим фактором. Город – экономический и социальный центр окружающей его, как правило, сельской территории. Чем больше численность его населения и плотность концентрации этого населения внутри городского пространства, тем большее влияние посредством как субурбанизации, так и диффузии инноваций распространяет город на окружающую его периферию. Одновременно, как диапазон такого позитивного влияния, так и скорость его распространения зависят от степени развитости инфраструктуры вокруг города и, в первую очередь, конечно же транспортной (автомобильной и железнодорожной). Вместе с тем, очень важным моментом в данном случае является не только сохранение (т.е. поддержание на прежнем уровне), но и развитие (т.е. усовершенствование) в сельской местности вокруг городов также энергетической (центральное отопление, газификация и т.д.) и социальной (медицинской, образовательной, коммуникационной и т.д.) инфраструктуры. Оба этих направления – субурбанизация пригородного пространства (включая с продвижением инноваций на эту территорию) и развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры в окружающей города сельской местности способны если и не предотвратить (хотя в условиях, например, Московской области или ряда регионов Юга России вполне возможно и это), то значительно замедлить темпы сжатия освоенного социального пространства в остальных российских регионах.

Мощность тех «импульсов», которые «излучает» город на окружающее его внегородское пространство зависит не только от численности и плотности его населения, но и от состояния его экономической сферы (прежде всего), а также образовательного и культурного потенциала. В жесткой конкурентной борьбе за молодежь (которая является наиболее перспективной с точки зрения ее трудового, и репродуктивного потенциала) и сейчас, и в обозримом будущем победителями окажутся те города (в первую очередь, конечно же, столицы субъектов федерации), структура экономики которых трансформируется в сторону увеличения доли наиболее привлекательного для современной молодежи т.н. «третичного» сектора (т.е.

сферы услуг), а образовательная сфера представлена более или менее престижными высшими учебными заведениями самого широкого профиля.

Говоря же о *сельских поселениях*, необходимо отметить, что их сеть также формируется под влиянием особенностей окружающей природно-географической среды. В России исторически процесс возникновения и трансформации сети сельских населенных пунктов был обусловлен количеством земли, пригодной для сельскохозяйственного освоения, и степенью ее плодородия. Поэтому численность сёл и деревень, а также плотность их населения, например, в Черноземье, на Северо-Западе, в Поволжье и в Сибири были совершенно разными: в местностях с большим количеством плодородной земли количество сельских поселений было относительно невелико, но их средняя численность была достаточно высока; напротив, в регионах с нечерноземными сельхозугодиями (в особенности, расположенными в т.н. Средней полосе России) плотность расположения деревень и сел была чрезвычайно высока, но среднее количество населявших их жителей было гораздо ниже в сравнении с сельскими поселениями черноземных территорий.

Сельская местность, относительно отдаленная от городского ядра и не подверженная влиянию субурбанизационных процессов, однако входящая в «ареал» влияния города, также становится вовлеченной как в экономические, так и социально-культурные взаимоотношения с ним; первые проявляются в развитии на селе производственной деятельности, ориентированной, по преимуществу, на городского потребителя, вторые же формируются, в основном, посредством реализации рекреационного («дачного») потенциала данных территорий. Однако диапазон подобного позитивного влияния также зависит не только от величины самого города (агломерации), но и от наличия и состояния инфраструктурной сети вокруг него. В наши дни, в условиях практически повсеместного нарастания темпов сжатия освоенного ранее негородского пространства, наиболее устойчивым и перспективным в социально-экономическом отношении видится будущее тех регионов, в которых сеть сельских поселений сложилась по второй модели. То есть, в тех региональных социально-экономических системах, в которых плотность населенных пунктов сельского типа относительно низка, а среднее количество их населения, напротив, достаточно высоко, процессы сжатия освоенного социального пространства проявятся в гораздо меньшей степени и, следовательно, общий фон социального самочувствия (разумеется, при прочих равных условиях) будет более благополучным.

В системе расселения очень важна не только *общая численность*, но и *плотность населения* (и, в первую очередь, городского): чем она выше, тем выше емкость потребительского рынка, ниже транспортные издержки на доставку готовой продукции [1, с.126], соответственно, экономика региона растет более высокими темпами. Кроме того, демографические показатели наиболее тесно и полно коррелируют и с общим «жизненным климатом», складывающимся в определенной местности или населенном пункте. Чем выше численность и плотность населения определенного города, тем активнее в нем развивается экономическая, культурная, творческая и другая позитивная активность граждан. Город становится «точкой роста», организующим звеном развития «центр-периферийных» процессов и за счет «диффузии инноваций» позитивно влияет на развитие окружающей территории, а, следовательно, и всего региона в целом. В итоге степень привлекательности его социально-экономической среды начинает положительно оцениваться не только самими жителями региона, но и населением соседних (и не только) территорий. Поэтому *активный баланс межрегионального миграционного обмена* также следует рассматривать в качестве фактора, способствующего успешному социально-экономическому развитию региона.

Необходимо также отметить, что в условиях всеобщего старения населения России, возможно, что в ближайшие годы в число базовых факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие региональных систем, войдут демографические, а точнее *возрастные характеристики населения* того или иного региона. Поэтому чем больше в настоящее время в общей структуре населения региона доля лиц трудоспособного возраста и младше, тем дальше на временной «линейке» можно будет построить прогнозируемую траекторию его успешного развития, и напротив, чем более высока степень общего старения населения региона, тем менее оптимистичным выглядит прогноз его социально-экономического развития в обозримом будущем.

Следующим фактором, в значительной степени определяющим специфику развития региональных социально-экономических систем, является достаточная степень развитости *инфраструктуры*. В первую очередь, конечно же, исторически ее формируют *транспортные артерии* – автомагистрали и железные дороги. Конфигурации железнодорожной сети в России практически не изменилась со времен распада Советского Союза, а вот плотность автодорог с твердым покрытием с тех пор существенно повысилась, и именно она оказывает значимое влияние как на

интенсивность предпринимательской деятельности в регионе, так и на темпы «сжатия» освоенного социального пространства в отдаленных от городов территориях региона: чем гуще сеть автомобильных дорог в той или иной местности, тем менее заметны процессы имплозии освоенного ранее пространства.

Еще одним базовым фактором является сложившаяся структура экономики региона, характеризующаяся долями различных отраслей производства продукции и услуг в общем объеме валового регионального продукта. Чем более она перспективна, с точки зрения прогноза конъюнктуры цен на продукцию различных отраслей в обозримом будущем, тем более устойчив экономический фундамент социально-территориальной общности регионального уровня.

Соответственно, динамическую модель территориального социально-экономического развития региона и зависимости показателей преступности от характера такого развития можно представить в следующем виде. При ухудшении общего жизненного климата, качества общественной среды поселенческой структуре региона неизбежно грозит деградация, проявляющаяся в снижении числа жителей городов (за счет растущего уровня смертности и миграционного оттока) и обезлюдении окружающей их сельской периферии. Активизируются процессы сжатия освоенного, «социального» пространства. В этих условиях повышаются риски возникновения процесса «эрозии» инфраструктурных артерий: они могут просто начать разрушаться (и прежде всего – дорожная сеть) или начинает остро ощущаться нехватка квалифицированных специалистов для их обслуживания. Естественно, что при подобном положении дел экономическая сфера региона не только не сможет развиваться, т.е. наращивать темпы производства продукции и услуг, но и даже сохранять относительно продолжительный период времени ранее достигнутые темпы производства. В результате, под угрозой ставится и бюджетная составляющая процесса управления региональным развитием: недостаток финансовых средств, обусловленный снижением налоговых поступлений от предприятий, не позволит в должной мере выполнять органами государственной власти регионального уровня возложенные на них социальные обязательства по поддержке сфер здравоохранения, образования, науки, культуры и т.д. Ком социальных проблем в регионе будет нарастать и это с неизбежностью повлечет новый виток ухудшения общей социально-экономической обстановки в регионе.

Повышение градуса социального неблагополучия, увеличение масштабов и углубление степени социальных противоречий в рамках региональной

общественно-экономической системы с неизбежностью увеличивает вероятность возникновения частных проблемных (конфликтных) ситуаций, которые в каждом отдельном случае могут разрешиться выходом поведения конкретного индивида за рамки норм человеческого общежития, т.е. выразиться в совершении единичного акта поведения, характеризующегося с точки зрения большинства членов общества в качестве социально-отклоняющегося (в т.ч. и преступления). Вероятность подобного девиантного поведения, его характер, направленность, продолжительность и степень проявления зависят как от особенностей самой возникшей проблемной ситуации, так и от специфики взаимодействия социальных и психофизиологических факторов в структуре механизма отклоняющегося от нормы поведения [2, с.204-205;203-220]. Несомненно, однако то, что и вероятность возникновения самой конфликтной ситуации в жизни отдельного члена общества, и степень развитости ценностно-нормативных регуляторов его деятельности, и уровень психофизиологического развития личности человека – в значительной степени зависят от качества самой общественной среды, являющейся естественно формирующимся продуктом функционирования территориальной социально-экономической общности.

Далее, согласно предложенной ранее схеме, следует подумать о методологических основах процесса разработки критериев оценки степени успешности функционирования региональной социально-экономической системы. Прежде чем разработать эти основы, необходимо задуматься над тем:

– какое развитие территориальной социально-экономической системы объективно влечет повышение качества ее общественной среды или, проще говоря, какие изменения, происходящие в рамках этой системы, говорят о том, что она развивается?

– можно ли рассматривать в качестве «развития» территориальной системы те позитивные сдвиги в социальной сфере (улучшение показателей здоровья, уровня жизни, образования и т.д.), достижение которых закономерно поставлено в качестве приоритетной задачи при реализации и местной и региональной и общегосударственной социально-экономической политики в целом?

Возможно, развитие территориальной системы – это, прежде всего, количественные и качественные изменения в ее экономической сфере, являющейся базовой по отношению к сфере социальной? Ведь без достаточных экономических ресурсов невозможно кардинально повлиять на улучшение социального самочувствия населения территории. Или, все-таки, развитие территории – это всегда

определенные сдвиги в ее поселенческой структуре и инфраструктурной сети – т.е. в том фундаменте, на котором, как было показано ранее, базируется любая территориальная социально-экономическая система, и состояние которого, в значительной мере, определяет в целом перспективы дальнейшего функционирования этой системы?

По мнению одного из ведущих отечественных специалистов по проблемам регионального развития – В.Н. Лексина, термин «развитие», применительно к региональной социально-экономической системе не имеет оценочного характера («хорошо»–«плохо»), т.е. далеко не во всех случаях развитие региона – это наличие позитивных изменений в составляющих его компонентах. Развитие, – полагает он, – это всегда лишь *следующий шаг*: «Регион, деревня, город, функциональная зона трансформируются столь неравномерно и чаще всего однобоко, что они просто становятся другими. При этом (как и в любой другой системе) изменяются число, параметры и качественные характеристики прежних компонентов (само пространство, природные ресурсы, хозяйство, люди и т.д.), появляются новые и, главное, изменяются прежние связи между ними, становится иным баланс компонентов» [3, с.25]. Отсюда, как верно отмечает автор, ответ на вопрос о том, является ли такая трансформация благом для территориальной социально-экономической системы, зависит от того, «насколько в результате перемен оказываются сбалансированными все компоненты потенциала функционирования территории: социальный (связанный с интересами, качеством и уровнем жизни населения), хозяйственный, природно-ресурсный, экологический и др. Любой перекос этого баланса ведет к деструкциям (в наиболее резкой форме – к депрессиям). *Любая сбалансированная динамика*, – справедливо заявляет ученый, – *лучше одностороннего «развития» (например, только роста рождаемости или роста выпуска экспортной продукции крупной корпорацией)*» [3, с.25] (курсив автора. – Д.Б.). В итоге, благополучная территория, – по мнению В.Н. Лексина, – это «территория сбалансированных компонентов (потенциалов) ее функционирования», и, соответственно, считать *территориальным развитием* происходящие на этой территории изменения, – заключает автор, – можно только тогда, «когда позитивная динамика каждого компонента территории не будет вести к дисбалансу остальных» [3, с.25].

Это означает, что ни рост показателей развития экономики региона, ни улучшение показателей социального самочувствия его населения, ни в совокупности, ни по отдельности, не могут однозначно

свидетельствовать о наличии позитивной динамики регионального развития. Тем более, если они наблюдаются на фоне ухудшения состояния поселенческой и инфраструктурной сетей региона. Только относительно равномерное и пропорциональное развитие всех компонентов территориальной социально-экономической системы свидетельствует о наличии благоприятного вектора ее развития в целом. Из этого следует, что только в том случае, когда показатели, характеризующие состояние экономики региона, благосостояния его населения, социальной сферы и т.д., растут, и это улучшение сопровождается укреплением или (как минимум) не ухудшением (т.е. поддержанием на прежнем уровне) потенциала социально-экономического развития региона (оцениваемом на основе наличия, степени выраженности и сочетания факторов такого развития), можно констатировать, что наблюдается именно *развитие* региона, а не временное улучшение в отдельных сферах, его составляющих.

Таким образом, степень успешности социально-экономического развития той или иной территории (проявляющаяся в итоге в улучшении общего жизненного климата и социального самочувствия населения), оцениваемая на основе анализа данных об уровне и динамике экономического развития региона, темпах воспроизводства его демографической базы, качестве здоровья его населения, а также качестве населения в целом (уровень образования и т.д.), определяется, с одной стороны, вектором и интенсивностью «центр-периферийных» процессов, а с другой стороны – степенью выраженности процесса сжатия социального пространства. Теоретически, наиболее благоприятная в социально-экономическом плане обстановка, складывающаяся за счет сравнительно более высокого роста вышеуказанных показателей, должна сформироваться в тех региональных системах, в которых тенденции сжатия социально-освоенного пространства проявятся в наименьшей степени, тогда как позитивные урбанизационные и миграционные процессы, напротив, будут наиболее активными. И все это должно сопровождаться снижением и последующей стабилизацией показателей преступности.

Проведение комплексной оценки степени пропорциональности такого развития и его соответствия изначально имевшемуся у территориальной системы потенциалу, как уже указывалось ранее, возможно только в результате *сравнения* социально-территориальных образований, потенциал или «стартовые» условия социально-экономического развития которых (измеряемый на основе оценки степени выраженности

факторов такого развития) находится на примерно сопоставимом уровне. Именно этот критерий должен быть взят за основу при осуществлении процедуры отбора территориальных социально-экономических

систем регионального уровня для осуществления анализа их социально-экономического развития в пространственной проекции и сравнения итогов этого развития за определённый период.

Библиография:

1. Кузнецова О. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. №2. С. 121-131.
2. Кудрявцев, В.Н. Избранные труды по социальным наукам. В 3 т. Т.2: Криминология, социология, конфликтология. – М.: Наука, 2002. 283 с.
3. Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. №3. С. 19-40.

References (transliterated):

1. Kuznetsova O. Piramida faktorov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov // Voprosy ekonomiki. 2013. №2. S. 121-131.
2. Kudryavtsev, V.N. Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam. V 3 t. T.2: Kriminologiya, sotsiologiya, konfliktologiya. – M.: Nauka, 2002. 283 s.
3. Laksin V.N. K metodologii issledovaniya i regulirovaniya protsessov territorial'nogo razvitiya // Region: ekonomika i sotsiologiya. 2009. №3. S. 19-40.